

Цветные сны Олимпиады

Мария Журавкова

16+

Мария Владимировна Журавкова

Цветные сны Олимпиады

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70599109
Цветные сны Олимпиады: Знание-М; Москва; 2024
ISBN 978-5-00187-747-9*

Аннотация

Эта книга написана в жанре современной прозы на основе реальных историй из практики. В ней автор легко говорит о сложном, иронично о серьезном, с пиететом к профессш! и с принятием того факта, что есть что-то над нами, что не поддается объяснению в привычных категориях причины и следствия.

Для всех думающих и еще (или уже) читающих.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Воскресный сон Олимпиады	5
«Я не Настя»	19
Иди ты со своим утюгом!	31
«Фира, дай кефира!»	37
«Мне снилось...»	46
Дуся всегда в плюсе	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мария Владимировна Журавкова

Цветные сны Олимпиады

Все, о чем написано в этой книге, – правда.

Все истории реальны.

Все имена, пароли и явки изменены.

Все совпадения случайны.

Все случайное закономерно...

* * *

© Журавкова М. В., 2024

© Знание-М, 2024

Воскресный сон Олимпиады

Это у нас семейное – называть детей вычурными именами. Слава богу, дурацкая традиция прервалась с рождением Марфы. Тоже так себе имечко, но все же лучше, чем Олимпиада. Это все бабка по отцовской линии – фанатичная коммуняка – задала моду на «значимые» имена. Своего первенца назвала Рэмом (Революционная Электрификация Мира), второго сына – Кимом (Коммунистический Интернационал Молодежи), ну а на третьего фантазии не хватило, и он стал просто Львом. Должно было кому-то повезти. Кстати, он китаист и, говорят, очень даже неплохой – все еще мучает студентов-третьекурсников, с остервенелым пристрастием пытаясь научить бестолочей на экзамене, превращая оный в очередную лекцию. О нем попозже. Обо мне любимой.

«Мать моя женищина» всю жизнь хотела угодить свекрови, впрочем, ей это никогда не удавалось: что бы она ни делала – все в лужу. Однако попытки понравиться свекрови не прекращались: маман с настойчивостью маньяка предлагала на суд Александры Николаевны очередные книксены и глубокие реверансы. Вот взяла и назвала меня Олимпиадой в честь только что прошедшей Олимпиады-80 в Москве. «А что? Рэмику тоже очень понравилось: Олимпиада Рэмовна, а уменьшительно-ласкательное – Липочка». А Рэмику было по барабану, что Олимпиада, что Дистанция или Трибуна –

без разницы, он десять лет ждал сына, а тут дочь. Бракодел, да и только. Вероятно, матушкин реверанс в адрес свекрови и на этот раз был недостаточно глубоким, потому как бабке моей это имя не понравилось. Она никогда не называла меня Липочкой, все больше «кураца ты мокрая», хотя с теплотой в голосе и легким прищуром смеющихся глаз, отчего я делаю вывод, что к курацам она все же относилась благосклонно.

Медленно заезжая на утыканную до предела парковку перед главным входом в университет, я понимаю, что бабка была права: сейчас буду парковаться, как кураца, – все по диагнозу. Только бы студенты мои были на парах – все же не хочется опускать свое реноме ниже плинтуса. Хотя, опять же, человек не может состоять из одних достоинств. Пусть моя водительская тупость будет маленьким дефектом к безупречному образу крутого *препода*, чтобы быть ближе к народу и не звездить слишком высоко.

Ать-ать-ать, по-ти-хо-нечку – все! Я припарковалась. Нашла местечко. Теперь можно выдохнуть и немножко посидеть в моей малышке: все-таки хорошо, что и ее, и мои габариты позволяют быть достаточно изворотливой.

– Олимпиада Рэмовна, а в какой аудитории у нас занятие? Все же увидели, как я паркуюсь, ну да ладно, мне можно. *Старость не радость, маразм не оргазм.* Что это вылетело из подкорочки? Уж явно не старость – до нее еще далеко, слава богу. Неужели оргазм? Ну, только проблем в сексе мне не хватало... Ладно. Разберемся потом. Там еще что-то про

паразм было, этого бы совсем не хотелось...

– В 19-А, если я правильно помню.

Ну вот, весь кайф сломали. Теперь придется делать над собой грандиозное усилие, чтобы оторвать нижнюю часть спины (как говорит мой французский коллега, стареющий ловелас со слащавым взглядом), собрать себя в кучу и топать на занятия, всем своим видом демонстрируя самодостаточность и высокий профессионализм. Моя бабка – Александра Николаевна – профессорша со стажем, таких не уколотишь. Такие, как она, уже и стоять могут, только держась за кафедру, – это такая подпорка для них, а оттащить от кафедры их можно только на кладбище, сразу ногами вперед. Лучшие из них входят в категорию божьих одуванчиков, худшие – старых мракобесов. Александра Николаевна – ни то, ни другое. С ней ухо надо держать востро, а хвост – пистолетом. Того и гляди припечатает острым словцом – потом еще долго репутацию восстанавливать придется. Что касается современного подхода к образованию будущих лингвистов, она в теме. С утра успевает просмотреть все вражеские сайты, ответить на письма коллег из Забугорья, написать пару отзывов аспирантам, выкурить сигаретку за чашкой крепкого кофе, приманчипуриться, «включить глазки перед зеркалом» – и бодрячком на работу. На общественном транспорте она не ездит:

«Зря, что ли, устраивала Леву на тот же факультет?». Водить теперь Льву Николаевичу семьдесят килограммов про-

фессорского тела в обе стороны до скончания века.

«Ну что, „выюноша бледный со взором *горящим*“, по ко-
ням!» – пристегиваясь ремнем, выдает Александра Никола-
евна утреннюю команду своему младшенькому. Тот ничего
не возражает: бесполезно говорить матери, что он уже дав-
но не юноша и не бледный и что не надо коверкать слова
– знает, та обязательно найдет нужную аргументацию. А от-
влекаться на ее бесконечные подколы и тратить энергию не
в его интересах.

Я стараюсь не пересекаться с моими дорогими родствен-
никами, благо работаю на другом факультете, к тому же не на
полную доцентскую ставку, а так – читаю спецкурс по пси-
хологии бизнеса. *Не корысти ради, а токмо* для того, чтобы
мозг держать в тонусе. Студентам бизнес-школы психология
«до фонаря». Сейчас они в основном увлечены финансами
и рынками, психология – это так, «на easy» – легкотня по-
нашему. Это потом, когда они наруководятся в компаниях
своих маменек-папенек, наувольняют сотрудников, наразво-
дятся с женами, наругаются с партнерами, накувыркаются с
любовницами – вот тогда в моем телефоне я услышу знако-
мое «Олимпиада Рэмовна, вы меня помните? Я у вас учил-
ся лет десять назад. Можно к вам на консультацию?». – «Ко-
нечно, можно! Милости просим, как говорится».

– Ну, ты и дрыхнуть! Скоро десять часов, жрать хочется! –
Павел резко открыл дверь в спальню, где Липа досматривала
воскресный сон, цветной и яркий по форме и содержанию, и

ровенький такой – прямо голливудский сценарий, претендент на «Оскар».

– Ты начинай, я сейчас догоню, – Липа открыла глаза и медленно потянулась, как львица после удачной охоты.

– Москва – Воронеж, не догонишь! – последовал прогнозируемый ответ.

– Я знала, что ты так и скажешь. И не жрать, а есть!

– Если бы есть, а то уже давно жрать. Не все же в нашей семье дрыхнут до сиреневых козявок, кто-то встает как нормальный человек.

Начиналось стандартное воскресное утро. Ничего необычного – все, как всегда. Жалкая попытка разрядить обстановку фразой из известного комедийного фильма тоже прогнозируемо не удалась. Можно было продолжить по тексту: «Был бы то человек...», но Липа решила не рисковать.

– Короче, Липка, давай быстро, я тебя жду на кухне.

– Я же просила: не зови меня Липкой! Если я Липка, тогда ты Дормидонт.

– Дормидонт, конечно. С тобой не только Дормидонтом станешь. Короче, идешь, нет?

Обстановка накалялась. Спорить с голодным мужчиной – откровенная глупость. Липа молча накинула легкий бирюзовый халат и прошлепала в ванную. Она помнила впечатанное с детства святое правило: халат нужен только для того, чтобы дойти до ванной и обратно, в качестве домашней одежды он не используется. Дома надо одеваться так, чтобы было не

стыдно открыть дверь внезапно позвонившему в звонок человеку. Но сейчас не до политесов, можно позавтракать и в халате. В качестве исключения. Главное, запомнить сон максимально подробно. А потом спокойно расшифровать, если получится, конечно.

«Так, о чем мое бессознательное кричало мне во сне?» – Липа мысленно воспроизвела умную фразу, которую когда-то давно прочитала у Менегетти или у кого-то другого... но уж точно не у Фрейда и не у Юнга. «Во сне наше бессознательное кричит нам о наших проблемах». Интересно, о каких на этот раз...

– Ты о чем думаешь? – Павел пристально посмотрел на Липу, когда та механически размешивала ложкой молоко в чашке кофе, уткнувшись в эту самую чашку с таким внимательным видом, как будто изучала химический состав кофе или молока.

– Все нормально.

– Но я же вижу, что ты где-то в своих мыслях. Нашла кого обманывать...

«Действительно, Павел прав. Как всегда. Его не обманешь. Да и зачем?» – Липа прекрасно осознавала, что вот уже двадцать лет замужем за врачом-диагностом, да не простым, а рентгенологом. Профессиональная деформация личности врача – дело понятное, поэтому она не обижалась на грубые шутки типа «Я вас, б..., насквозь вижу», хотя время от времени все же пыталась сопротивляться. Впрочем, все-

гда безуспешно – за одной грубой шуткой следовала другая, так что намного безопасней было просто пропустить все мимо ушей, благо статус специально обученного человека позволял ей это сделать. К ее профессии Павел относился с легким пренебрежением: «Что там твоя психология? Экстраверсия-интроверсия? Ну да, ну да... куда уж человечеству без нее! Пропадем все».

Это сейчас он заведующий отделением, а когда они познакомились, он был просто Пашкой из выпускного класса. Ему было семнадцать, а ей – четырнадцать лет. В аккурат Ромео с Джульеттой, только, в отличие от шекспировской героини, прощаться с жизнью из-за Пашки совсем не входило в Липины планы. Неуклюжий и долговязый, он совсем ей не понравился, но об этом потом. Сейчас надо препарировать сон, пока он совсем не улетел в бесконечность.

– Ты хоть помнишь, что мы идем в гости?

– Конечно, помню. Но до выхода из дома еще масса времени, к тому же Марфа просила рано не приезжать.

– Еще за цветами надо заехать.

– Какие цветы? Мы же не на день рождения идем, а на новоселье, ну или типа того.

– Ну что ты опять торгуешься, знаешь ведь, что я это терпеть ненавижу: вечно тянешь до последнего, а потом мне приходится лететь скачками, – опять же прогнозируемо проворчал Павел.

Вообще-то Павел – классный чел, просто немного нудно-

ватый, но это «местами-временами». Липа хмыкнула про себя, вспомнив поговорку одного из ее ВИП-клиентов: «Так-то парень неплохой, только ссытся да глухой». Классный был мужик, жаль, рано ушел из жизни. «Эк-куда тебя понесло», – Липа остановила поток ненужных мыслей.

– Я еще успею кое-что записать, а потом, Павлунтий Дормидонтыч, я вся ваша, – нарочито грудным голосом пропела Липа.

– Что там еще записать? Опять фигней страдаешь... Завя-зывай со своими снами, давай хоть один день в неделю проведем вместе. Во сне надо спать, а не сны разглядывать. Вот мне ничего не снится, и слава богу.

– Да все тебе снится. Кто во сне бормочет и ногами дрыгает, как будто собирается нормы ГТО на значок сдавать?

– Ничего не знаю и знать не хочу.

– Вот именно. Ты просто все вытесняешь в бессознательное, у тебя защита такая.

– Ой, хватит мне по ушам ездить, иди уже...

– Я быстро, пять секунд, ты даже испугаться не успеешь.

– Я все успею. Да что с тобой спорить, все равно сделаешь так, как хочешь, – Павел безнадежно махнул рукой и уткнулся в ленту новостей.

Липа молниеносно убрала посуду со стола и помчалась в кабинет записывать обрывки воскресного сна.

Для записи снов она придумала свою систему, хотя системой это вряд ли можно назвать. В целях экономии време-

ни можно было записывать не весь сон, а только те места, за которые можно запнуться – «пенечки» – или случайно зацепиться – «якоречки» – и еще обязательно «несовпадушки» с реальностью. Главное, записать все пенечки-якоречки и несовпадушки, неважно, в каком порядке, а по ним уже и сюжет раскручивается. Да еще, конечно же, эмоции: где, в какой момент, на что пробило.

На этот раз и пенечки, и якоречки, и несовпадушки выскакивали наперебой, как будто торопились занять место повыше в служебной иерархии Липиных (не «липовых», прошу не путать!) мыслей.

Имя. «Здесь все прозрачно: мое имя мне не нравится, я его считаю дурацким, – Липа на мгновение задумалась. „Жаль, что это все еще меня беспокоит“». Ей казалось, она уже давно научилась не обращать внимания на глупые шуточки. «Правда? Тогда зачем кому-то объяснять, откуда ноги растут у всей этой истории с именами?».

Опа-на! Кому объяснять? Так-так-так. Там кто-то был еще. Конечно! На пассажирском сидении. Липа рулила, а рядом кто-то сидел. Кто?

Она записала:

Машина. Рулила она – это главное, здесь все понятно: если она за рулем, значит, она и управляет этой ситуацией. Что еще? «*Несовпадушки*» – у нее нет маленькой машины. У них в семье внедорожник. За рулем она ездит редко, в основном, сидит на пассажирском сидении – «помеха справа», как го-

ворит Павел. А здесь пассажирское сидение кем-то занято. Кем? Где она его (ее) высадила? У главного здания она парковалась уже одна, значит, где-то притормозила и остановилась. *При-тор-мо-зи-ла... остановилась ненадолго, на пять секунд... О чем это я? Что-то упустила из виду, типа «вот я тормоз!»*, надо было остановиться и подумать, не торопиться – за пять секунд важные решения здравомыслящие люди не принимают. Или речь идет совсем о другом? Ничего не торкает... Дальше:

Эмоции. Вроде бы все ровно, только немного напряглась, когда парковалась. *В каких-то своих действиях или решениях не совсем уверена? В каких?*

Родители. И «дорогие родственники». Тут вообще все не так. С родителями у нее сложные отношения, но все уже проработано. *Или не все? Дальше.*

Александра Николаевна. Кто такая? *Несовпадушки...* Понятно, что никакой бабки-профессорши у Олимпиады не было. Ее бабушку по отцовской линии звали Натальей Васильевной, она была милейшим человеком и всю жизнь проработала библиотекарем в школе. Сына своего, Липиного отца, они с дедом называли не в честь Революционной Электрификации Мира, а по ошибке: дед пошел регистрировать новорожденного младенца с твердым намерением назвать его Ромой, но работница ЗАГСа то ли была глуховатой, то ли невнимательной, в любом случае, вместо Ромы получился РЭМ. Родители ребенка ошибку обнаружили уже дома, по-

расстраивались, но менять ничего не стали. Для домашних Липин папа так и остался Ромой, а она, стало быть, теперь навсегда Рэмовна. Вторая бабушка по маминой линии, Клавдия Петровна, немногословная и строгая, была бухгалтером в строительном тресте. Речь тоже не о ней. *Интересно...*

Числа и цифры. 10 лет и 19. Десять лет упоминается дважды. Если бы был еще и третий раз, то тогда весь анализ надо строить вокруг этой десятки. Хотя два раза – тоже весьма и весьма значимо... *19 – просто номер? Или дата? Что еще?*

Поговорки, пословицы, расхожие фразы. «Старость не радость и т. д. Интересно, что даже во сне я задумалась о значении каждого слова. Надо покопаться поподробней».

«Вьюноша бледный и т. д.».

«Не корысти ради»... реплика отца Федора из «Двенадцати стульев». *Кто-то часто ее использует... Кто? Ага. Поймала! Это коллега по цеху. Мне она не очень нравится, с какого это перепугу она влезла в мой сон? Дальше.*

«Милости просим». Ой, что-то я совсем закопалась... Так можно за каждое слово цепляться. Может, милость – это просто милость. Или нет? У кого-то надо попросить эту милость...

Стоп. Это не главное.

Липа ощущала всем своим существом, что тайна этого сна где-то рядом. Надо только понять, кто сидел рядом с ней на пассажирском сидении... Кому она все это рассказывала про

себя?

Может, она все рассказывала самой себе, такой внутренний диалог? Нет. Не торкает. Там явно был кто-то другой.

– Липа! Давай завязывай, ну сколько можно!

– Все-все! Я уже бегу!

«Да здравствует Скарлетт О’Хара! Я подумаю об этом завтра», – Липа нажала на иконку «Сохранить» (два раза, на всякий случай, для большей уверенности) и закрыла файл.

До расшифровки следующего сна была еще целая неделя. Олимпиада знала за собой эту особенность – она запоминала только воскресные сны. Возможно, ее бессознательное структурировало объем информации шадящим образом, чтобы в голове не возникала безнадежная путаница. И без того сны – это сплошной сюр, а если они еще наслоятся один на другой – вообще туши фонарь! К тому же, сны – это всего лишь хобби, совсем не главное в жизни, так, небольшая залипуха, умственная развлекаловка. Липа увлекалась толкованием сновидений еще с аспирантуры, с того самого момента, когда в руки ей попалась тоненькая книжулька на английском языке «Carl Gustav Jung. Man and his symbols»¹. Книжка оказалась у нее совершенно случайно. Она искала что-нибудь не слишком объемное для сдачи кандидатского минимума, но как-то не очень активно вела поиски и, только оказавшись в полном цейтноте, поняла, что дело швах! Пе-

¹ Карл Густав Юнг. Человек и его символы.

ревод на русский язык требовалось сдать «ещё вчера». Слава богу, Липа относилась к категории везунчиков: всякий раз, когда она загоняла себя в полную ж..., из которой редко кто мог выбраться, ей судьба подкидывала встречу с нужным человеком. Так было и на этот раз. Совершенно неожиданно руку помощи протянул начальник подруги, которая на тот момент работала в научном отделе университета. Маленький сухонький приколист с веселыми глазами имел среди сотрудников особое «погоняло», данное ему за любовь к Лондону. За глаза подчиненные называли его Пикадили, а в глаза вполне уважительно – Владимир Петрович. Пикадили привез эту книжку из давнишней командировки в Лондон, купил ее в аэропорту, чтобы скоротать время. Хорошо, что не выбросил. Спасибо ему. Липа начала переводить юнговский текст для сдачи экзамена, а оказалось, что залипла на этой теме на долгие годы. Экзамен она сдала, как всегда, на отлично, книжку с сожалением вернула хозяину. Потом были и другие книжки, и другие авторы. Из мешанины разных подходов Липа сформировала свой собственный вариант, понятный ей и Фире. Фира Фирсова, ее закадычная подруга, – такая же больная на голову психологиня-однокурсница, вот она понимает ее с полуслова.

«Позвоню ей завтра», – попыталась закрыть тему Липа и настроиться на предстоящую встречу с дочерью и ее избранником. Молодые люди решили попробовать пожить вместе.

«Марфа – классная девчонка, упрямая до чертиков, –

вся в отца! Сейчас вот играет в семейную жизнь. И ничего, что Марфе всего девятнадцать (опа-на!), а *И-ва-ну двадцать о-дин...*» – Липа поймала знакомое ощущение радостного предчувствия. Оно было ни на что не похоже. Возможно, так себя чувствует охотник, заметивший добычу. Сердце как будто чуть-чуть притормаживает, потом начинает биться чуть быстрее. С дыханием немного по-другому: хочется замереть, а потом дышать почти неслышно, чтобы не спугнуть того, за кем надо следить, и не быть пойманным. «Ну, точно, – подумала она, – вот именно так и тренируют самураев дышать на крыло бабочки, чтобы оно не шелохнулось. У меня бы получилось». Это ощущение возникало всегда, когда Липа шла в нужном направлении, как в детстве по стрелкам, играя в казаки-разбойники. «Ну конечно! Девятнадцать – это про Марфу! Вот и торкнуло! Именно так...». Липа вспомнила напряженный разговор с дочерью пару дней назад. Она, как обычно, включила режим «я ж мать», Марфа, как обычно, все сделала по-своему.

«Я не Настя»

Вообще-то она не отвечает на звонки с незнакомых номеров, но в этот раз все пошло не по плану. «Настя, это я, Вера», – сдавленный шепот в трубке телефона заставил напрячься. Было что-то затравленно-тревожное в сбивчивой речи новой подруги. «Забери меня поскорее», – Вера едва сдерживала подступившие к горлу глухие рыдания. «Откуда забрать?». – «Из дома... Помнишь, где я живу? Только не подъезжай к воротам, остановись за углом. И не звони мне, это его номер, я сама выйду через полчаса, все. Пожалуйста, быстрее!».

Она никуда не собиралась ехать, тем более они с Иваном ждали очень важных гостей, но отчаяние в Верином голосе побудило ее быстро выскочить из дома, на ходу хватая с крючка легкую куртку и сумку с правами. «Ты куда?» – Иван выглянул из кухни с неподдельным удивлением. «Я быстро. Тут недалеко. Пять секунд». – «А если они придут раньше, что я скажу?». – «Скажи, я быстро. Пять секунд».

«Пять секунд-пять секунд... Ничего себе начало семейной жизни... Ну, если так будет всегда... *На хрена козе баян*», – Иван отогнал от себя невеселые мысли.

К счастью, старенькая Mazda завелась без обычных капризов, как будто почувствовала, что дело не ждет. Через двадцать минут она уже парковалась за углом у Вериного дома.

Через пару минут к машине подбежала Вера с большой спортивной сумкой на плече и баулом в другой руке. Закинув вещи на заднее сиденье, Вера заскочила в машину и, вжавшись в кресло, бросила: «Гони!».

«Во-первых, пристегнись, во-вторых, поздоровайся, а в третьих, я не Настя. Я Марфа». Вера никак не отреагировала на ее признание, казалось, она нырнула куда-то очень глубоко в параллельную реальность.

– Але-е! Ты здесь? Слышала, что я сказала?

Вера медленно повернула голову в сторону Марфы, но продолжала молчать.

– Короче, давай рассказывай, что у тебя стряслось.

– Я сбежала.

– Это я уже поняла. А как же медовый месяц? И свадебное путешествие?

– Какое путешествие? Я вообще не знаю, что делать и куда ехать...

– Кстати, хороший вопрос... Куда тебя везти? Давай я сейчас припаркуюсь, и ты все расскажешь.

– Нет-нет! Давай к твоему дому, там он точно искать не будет. Во всяком случае сейчас, – красивое Верино лицо вновь исказилось гримасой ужаса.

– Окей. Как скажешь, – согласилась Марфа. Она понимала, что происходит что-то экстраординарное.

Обратный маршрут к дому протекал намного быстрее – так показалось Марфе.

– Ну, хочешь, я позвоню маме. Она у меня классный психолог, поможет разобраться, что к чему.

Вера кивнула и разрыдалась как обиженный ребенок, которого обманул весь белый свет.

– А почему Настя?

– Так... Красивое имя. Анастасия... Просто и изысканно, всегда хотела, чтобы меня звали Настей.

С Верой они познакомились в самолете – летели вместе из Стокгольма. Оказалось, что целый семестр они провели в одном университете, но на разных факультетах, поэтому на занятиях не встретились. А вот теперь судьба в форме девушки за стойкой регистрации посадила их на соседние кресла. Весь полет они проболтали, как закадычные подружки, наверное, соскучились по русскому языку. В конце полета обменялись телефонами и по возвращении несколько раз встречались в клубах и кафе. В Петербурге Веру ждал жених – высокий статный парень. Он встретил ее в аэропорту с огромным букетом пурпурных роз, демонстративно припав на одно колено на глазах у изумленной публики. Через месяц они поженились.

Игорь работал персональным водителем у какого-то успешного предпринимателя. «На костюме, на галстуке, в белой рубашке» за рулем «мерседеса» он выглядел импозантно и надежно. Вере было уже двадцать семь, симпатичная и модная девушка с первого взгляда притягивала внимание, но с женихами как-то не везло... Все не то и не те... С

Игорем она познакомилась в компании друзей-псевдомажоров. Ну, это из серии «быть или казаться». Есть такая категория молодых людей.

Отец Веры, предприниматель средней руки, хотел, чтобы дочь удачно вышла замуж. Да кто ж этого не хочет? Просто понимание удачного замужества весьма субъективно, в его случае на первом месте был материальный достаток. Он изо всех сил старался, чтобы дочь производила впечатление богатенькой невесты – модные шмотки, престижный автомобиль (пусть подержанный, но крутой), модные гаджеты, фитнес-центры. Друзья у нее были из «той же песочницы», этакий полусвет, – дети не олигархов, но и не «быдлоты», одним словом, современная потребительская прослойка. Все дело портила мама. Она отчаянно сопротивлялась насаждению в семье концепции потребления, и удачное замужество дочери означало для нее преобладание «возвышенного над земным». С мужем они были слишком разными и часто ссорились, поэтому для Веры она желала простого женского счастья – супружеского взаимопонимания, доверия, поддержки и душевных разговоров по вечерам. Игорь показался ей именно тем надежным мужчиной, за которым дочь будет «как за каменной стеной».

Весь трагизм ситуации состоял в том, что знакомство с будущей тещей проходило в больничной палате. Мама Веры, врач с большим стажем, пропустила начало тяжелой болезни. Среди врачей, к сожалению, так бывает довольно часто.

Когда она собралась с духом сделать стандартное исследование и нашла для этого время, было уже поздно.

Игорь галантно преподнес Елене Сергеевне букетик подснежников, демонстративно подвинул стул для Веры поближе к маминой кровати, бросился поправлять подушки при попытке больной приподняться в постели. Потом сослался на занятость, смущенно улыбнулся и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Ну, как он тебе? – полушепотом спросила Вера, хотя никого, кроме них с мамой, в палате не было.

– Прекрасный вариант, хватит уже копать в недостатках, выходи за него, – также полушепотом ответила мама.

– Да мы совсем недавно познакомились, зачем торопиться? Еще успею, какие наши годы, – пыталась отшутиться Вера.

– Иногда надо поторопиться, чтобы потом не было мучительно больно, – вздохнула мама. В ее случае привычные слова прозвучали до ужаса буквально.

– Хорошо, – Вера бережно взяла маму за слабеющую руку.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– И не слушай никого про всякие традиции типа «надо переждать год» и так далее...

– О чем ты? Перестань, пожалуйста, ты еще поправишься и на моей свадьбе будешь самой красивой. После меня, конечно, – подмигнула Вера.

– А то! – поддержала страусиную игру мама.

Через три дня ее не стало. А еще через три дня Игорь сделал Вере предложение. Он правильно выбрал момент – Вера была под впечатлением от маминых слов, ее отец – под гнетом чувства вины перед ушедшей супругой. «Я был плохим мужем, особенно в последнее время, – сокрушался он на поминках жены. – Все спрашивал, от чего ты устала? Работашь всего по 6 часов в день, только пришла домой – сразу на диван. Все чего-то придирался... Так ничего и не понял». Когда Вера сообщила ему, что собирается замуж за Игоря, он только махнул рукой, мол, делайте, что хотите... Через две недели Вера улетела в Стокгольм заканчивать сбор материала для диссертации, а вскоре после возвращения домой она вышла-таки за Игоря замуж.

Марфа была свидетельницей на свадьбе со стороны невесты. Никто из Вериной «песочницы» не был приглашен на свадьбу. Что Веру привлекало в девятнадцатилетней студентке, для бывших подруг стало тайной и поводом для предположений о нездоровой тяге к однополрой любви. Другие версии им в голову просто не приходили. Для Марфы Верина просьба тоже стала неожиданностью, но отказаться от такой важной миссии она не могла. «А что я должна делать?». – «Ничего, просто расписаться в нужном месте, что ты подтверждаешь чистоту наших намерений, – улыбнулась Вера. – Завтра мы идем подавать документы».

«Но я же совсем не знаю твоего Игоря». – «Тебе и не надо.

Это простая формальность».

На следующий день свадебная тема забуксовала.

– Знаешь, Настя, как-то все очень странно... – вдруг засомневалась Вера.

– Что именно?

– В паспорте Игоря не хватает страницы... Ну, той, где ставится штамп.

– То есть?

– Ну, запись о браке, чего тут непонятного?

Марфа впервые уловила раздражение в голосе старшей подруги. Обычно Вера говорила спокойно, даже слишком спокойно, так, что Марфе хотелось найти и подкрутить у нее винтик, отвечающий за темп и громкость звука.

– И чем сердце успокоилось? Короче, как он это объяснил?

– Сказал, что был женат, давно развелся, но развод так и не оформил – не было времени. Вспомнил об этом только вчера и не стал заморачиваться – просто взял и выдрал страницу.

– Но это же глупо, в нашем цифровом веке все ходы записаны.

– Ты такая умная, только строем не ходишь! – старая солдафонская шутка слетела с языка Веры с язвительной интонацией.

Этот разговор начал напрягать Марфу. Она-то здесь причем? Вера была старше Марфы на восемь лет, а вела себя

так, как будто Марфа (в тот момент для нее еще Настя) была намного опытней и искушенней в отношениях с противоположным полом.

– Так что в итоге?

– Я сказала, чтобы он сначала развелся официально, а потом уже заводил разговор о свадьбе. Обещал все сделать быстро, у него там есть какие-то прихваты, вроде бы...

Действительно, уже через неделю Игорь был официально свободен и с новым паспортом взамен «потерянного». Заявление было подано, дата свадьбы назначена, банкет в ресторане заказан.

А через неделю после свадьбы Вера сбежала...

– Он забрал у меня телефон, ключи от дома и паспорт.

– А как ты вышла из дома без ключей?

– Ты ничего не понимаешь, – опять начала возмущаться Вера. – От моего дома. От квартиры. Папиной. И маминой. Моей. Он сказал, что, если я уйду от него, он вообще меня приберет.

Слезы в больших карих глазах Веры снова встали в боевую позицию. В тот момент, когда она потянулась за салфеткой, чтобы вытереть мокрые глаза, Марфа заметила свежий кровоподтек на Вериной руке, чуть выше локтя.

– Не хочешь мне рассказать, что все-таки произошло?

– Он вообще какой-то неадекватный, – начала тараторить Вера, как будто боялась не успеть уложиться в отведенный

лимит времени. Если бы не драматизм ситуации, Марфа не преминула бы ввернуть что-нибудь про словесный понос или что «Остапа понесло», или еще какую-нибудь заезженную остроту, но тут промолчала, опасаясь, что поток подробностей внезапно прекратится.

– Представляешь, он уже на третий день после свадьбы начал распускать руки. Я ему ничего такого не сказала. Сначала мы хотели сходить в кино, потом я долго одевалась, красилась... Он начал злиться: «Ты еще долго? Ты еще долго?». А потом шваркнул на пол всю мою косметику. Я ему говорю: «Ты что, дурак? Знаешь, сколько это все стоит?». Он говорит: «Еще раз так скажешь, сама на пол полетишь». Я думала, он шутит, а он толкнул меня так, что я упала и ударилась головой о дверь. Потом он испугался: «Верочка, Верочка, прости меня! Только не уходи. Я тебе все куплю». Короче, в этот день мы никуда не пошли. Остались дома, помирились, напились шампанского, пересмотрели кучу фильмов про любовь, решили, что у нас все намного интересней, чем в этих голливудских мелодрамах... Ты меня вообще слушаешь?

– Конечно. Я все слышу: у вас интересней, чем в голливудских мелодрамах. Просто итальянские страсти! Зато нескучно, – попыталась разрядить обстановку Марфа.

– Тебе легко говорить, – обиженным тоном отреагировала Вера. – Твой Иван с тебя пылинки сдувает.

– Уж как твой Игорь с тебя пылинки сдувал, все видели!

Может, ты все усложняешь? Может, у него неприятности, он просто сорвался, а потом сделал выводы и попросил прощения.

– Так сегодня все повторилось, только еще хуже. Мы заказали пиццу, доставка задержалась, курьер сказал, что застрял в пробке. Ты не представляешь, как Игорь на него наехал! Одной коробкой он ударил его по голове, а вторую сунул ему прямо в физиономию. А когда тот завозмушался, Игорь сказал, что заставит его ползать на карачках и с пола жрать эту пиццу. Я вообще обалдела. Говорю: «Ты что делаешь?! Успокойся!». Он схватил меня за руку и выставил за дверь, а когда курьер ушел, Игорь вернулся и говорит мне: «Слушай сюда: еще раз вякнешь, когда тебя не просят, я тебе рот скотчем заклею». Я поняла, что с ним лучше не спорить. Еще он сказал: «Задумаешь от меня уйти, я тебя вообще прибую». И забрал мой телефон, паспорт и ключи от моего старого дома. Сказал, чтобы я собиралась, он метнется по делам быстро, «туда-обратно», и мы куда-нибудь сходим поесть. Пока он был в туалете, я тебе и позвонила с его телефона, он его в прихожей оставил.

– Мда-а-а... Вообще жесть! – вырвалось у Марфы. – И что теперь?

– Пока его не было, я успела кое-что собрать, не все, конечно, главное, новую шубу норковую засунула в баул, а остальное как-нибудь потом после развода заберу, – деловым тоном отчеканила Вера.

«Ну, слава богу, про шмотки заговорила – значит, пришла в себя», – улыбнулась Марфа. Она тоже любила стильно одеться, но, в отличие от подруги, никогда не делала из вещей культа и всегда прикалывалась над Верой, когда у той зажигались хищные огоньки в глазах при виде очередной брендовой шмоточки.

– А-а, это та шуба из мексиканского тушкана? Так вас обманули – это шанхайские барсы! Я знаю их по оттенку!

Вера не обижалась – она была очень терпима к Марфиным шуткам. В ее «песочнице» таких шуток никто не понимал и не цитировал классиков, а она, по желанию отца, была уже без пяти минут кандидатом филологических наук, так что «положение обязывало» разбираться в известных цитатах.

– Думаю, все же тебе лучше домой, к папе, меня он быстро вычислит по исходящему звонку, надо было удалить мой номер.

– К папе очень стыдно – начнется «Я тебя предупреждал, что этот Игорь какой-то мутный, так тебе вожжа под хвост попала, прям так замуж приперло, не могла год подождать с материных похорон... отца никогда не слушаешь, бла-бла-бла-бла-бла...», – Вера сделала характерный жест пальцами правой руки, имитируя движение клюва какой-то дефективной птицы.

– Зато к твоему папе он точно не пойдет – побоится.

– А ты сможешь меня отвезти?

– Вообще-то мы с Иваном кое-кого ждем, может, возь-

мешь такси?

– Ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, – Вера умоляюще сложила руки. – Я сейчас всех боюсь, а вдруг он кого-то подошлёт?

– Это уже паранойя. Ладно, погнали – «раньше сядешь, раньше выйдешь».

На этот раз старенькая Mazda сопротивлялась как могла, ворчливо сообщая подругам, что никуда ехать не собирается – у нее выходной, воскресенье. В это время она должна стоять на парковке под окнами съемной квартиры в окружении однопородников и спокойно отдыхать после нервной будничной езды и бесконечного дерганья «газ-тормоз» в городских пробках. После настойчивых уговоров хозяйки («Ну, давай, моя хорошая. Надо ехать. Кто, если не мы?») с третьей попытки машина все же завелась и, покашливая, поехала на другой конец города.

Иди ты со своим утюгом!

Старый лифт стонал и дребезжал, как *пепелац* без *гравипапы* из фильма «Кин-дза-дза», с трудом забираясь на одиннадцатый этаж панельного дома брежневской эпохи.

– Не могли найти ничего поприличней, – пробурчал Павел, переминаясь с ноги на ногу в тесном пространстве давно не отремонтированного лифта.

– С милым рай и в шалаше, что тут скажешь... – вступилась за молодую пару Липа.

– Посмотрим на этого милого, может, он вообще не подходит нашей Маруське.

– Ну, это уж не нам решать. Сама разберется, кто ей подходит, а кто нет. Свободу попугаю!

– Вот-вот! И я про то же. Достали уже со своей свободой... Может, этот попугай трансвестит какой-нибудь или трансгендер – сейчас это модно.

– Господи, ну хватит уже... Какой трансвестит?! Чего ты все ворчишь? Думаешь, мне эта затея нравится? Надо все же доверять собственной дочери. Вспомни себя в этом возрасте.

– Вот только лечить меня не надо. «*Тренируйся, вон, на кошках*».

Неизвестно, чем бы закончилась очередная супружеская пикировка, если бы в этот момент «пепелац без гравипапы» судорожно не подпрыгнул и не сдал чуть вниз, медленно от-

крывая исписанные афоризмами двери.

Металлическая дверь на этаж была предупредительно открыта. За дверью стоял молодой человек ботанистого вида в гарри-поттеровских очках и домашних тапочках на босу ногу.

– Здравствуйте, я Иван, а вы, вероятно, Марусины родители?

– Да, все верно. Я Пал Михалыч, а это Олимпиада Рэмовна. А где Марфа?

– Проходите, пожалуйста, она скоро будет.

Липа и Павел молча вошли в обшарпанную прихожую съёмной квартирки. Неловкая пауза явно затянулась.

– А позвонить ей нельзя? Может, все-таки уточнить, куда она запропастилась?

– Да в том-то и дело, что позвонить ей нельзя – вон ее телефон на тумбочке. Она куда-то выбежала как ошпаренная, сказала, на пять секунд, но уже прошло два часа.

– Пять секунд-пять секунд... Где-то я сегодня уже это слышал, – Павел иронично хмыкнул и посмотрел в Липину сторону.

– Да... Она у нас девушка стремительная, у нее все решается быстро. Может, ей пришла в голову какая-то важная идея, например, сделать приятный сюрприз. Она у нас творческая единица, – Липа попыталась встать на сторону дочери и разрядить обстановку.

– Вздумалось – сделалось... Вся в мать.

Липа бросила укоризненный взгляд на Павла и быстро сменила тему:

– Давайте, что ли, знакомиться... Чего зря время терять.

– Да. Конечно. Проходите, пожалуйста, – смутился Иван и, неловко потоптавшись на месте, сделал галантный жест рукой в сторону маленькой гостиной. Она же служила и спальней, и кабинетом. В небольшой нише стоял старый диван-книжка, вдоль центральной стены красовался полированный сервант, а в углу громоздился настоящий монстр – огромный трехстворчатый шкаф из той же полированной коллекции. «Допустим, это винтажный стиль, допустим, это недорого, допустим, Марфе все равно», – в голове у Липы пронеслось сразу несколько оправдательных версий.

– Мы пока еще тут как следует не устроились, – Иван поймал оценивающий взгляд потенциальной тещи.

– А-а, так у вас есть «перспективка», – поддел молодого человека Павел и украдкой подмигнул Липе. Липа терпеть не могла, когда Павел начинал говорить известными фразами из анекдотов. Предполагалось, что все окружающие должны быть в теме, но в данном случае в теме была только она, и странное подмигивание Павла могло еще больше смутить Ивана. А если и Иван был в теме, то это вообще швах! – показаться незнакомому человеку сразу во всей своей жлобской красе... Липа начала заметно нервничать: только бы Павел не впал в конкретику!

– Это из анекдота про Шарика. Не слышал, нет? – Па-

вел-таки сел на своего конька.

«У-у-у, как все запущено...» – Липа поняла, что ситуацию уже не спасти.

– Так вот, – начал Павел, – замело в Простоквашино все дороги – ни пройти, ни проехать. Родители дяди Федора застряли в деревне на целую неделю, все продукты закончились, сидят, горюют, а Шарик под окном на улице спрятался, сидит и подслушивает, о чем это они говорят. Вот отец и говорит: «Ну все – хана нам, сейчас последние запасы доедем и будем хрен у Шарика сосать». Тут подходят к Шарик у кот Матроскин с дядей Федором. «Пошли, – говорят, – по сугробам в соседнюю деревню за продуктами». А Шарик им: «Не-е, вы идите, а у меня тут *перспективка* есть», – захохотал Павел.

Липа вздернула брови и огорченно вздохнула, всем своим видом показывая: «Вот так и живем...».

Иван покраснел и опустил глаза, промямлив «Ну, да, смешно...».

– А чайник у вас есть в вашем хозяйстве? – Липа снова взяла ситуацию в свои руки. – Мы же вам торт принесли и стильно-модно-молодежные чашки в подарок. Думали, вы вместе с Марфой откроете, – Липа принесла из прихожей подарочную коробку. – Впрочем, чашки можно и старые взять, а чай, надеюсь, у вас найдется? Можно даже из пакетиков, как в студенческие времена.

– Кстати про студенческие времена, – Павел поерзал на

диване, стараясь принять непринужденную позу. – Я вот тут еще один анекдот вспомнил. Так вот. Одному парню очень понравилась девушка-однокурсница, но он не знал, как с ней познакомиться. А жили они в одной общежитии, только парень жил на первом этаже, а девушка – на пятом. Общежитие было старое, без лифта, естественно. Вот друг ему и говорит: «А ты попроси у нее утюг, рубашку погладить, вот и познакомишься». «Хорошая идея!» – подумал парень и начал подниматься на пятый этаж. Поднялся с первого этажа на второй и представил себе: «Вот скажу я ей: „Привет!“. И она мне: „Привет!“. Я ей: „Пойдем в кино“. Она мне: „Пойдем“». Поднялся на третий этаж и представил: «Вот начнем мы с ней встречаться, и будут у нас серьезные отношения. Шпиливали всякие». Поднялся на четвертый этаж: «Вот мы поженимся, уйдем на съемную квартиру». Поднялся на пятый: «А тут дети пойдут: пеленки, распашонки, сопля, памперсы...». Постучался в дверь, открывает ему девушка и улыбается, а он ей: «Иди ты со своим утюгом!».

Липа покачала головой, всем видом показывая Павлу, что он «как ни пернет, все в лужу» – тоже из анекдота, только прямо про него.

– Мы, пожалуй, пойдем, – произнес Павел, вставая с дивана и протягивая Липе руку. – А Марфа, когда объявится, пусть позвонит.

Через пару часов, когда Липа действительно начала вол-

новаться, раздался телефонный звонок. Это была Марфа.

– Ты где пропадала все это время? Так не делается. Мы как добрые дурни приперлись с подарками, а тебя ветром сдуло.

– Телефон дома оставила. С Верой ездила. Сначала за ней, потом к ее отцу, потом в полицию. Долго рассказывать. А вы не знаете, где Иван, случайно? Я пришла домой, а тут ни его самого, ни его вещей. На мои звонки не отвечает, прислал какую-то странную СМС: «Иди ты со своим утюгом!».

– Это нормально. Просто не твой человек. Лучше с ра зу.

– Там случайно папа ничего лишнего не наговорил?

– Да нет. Все как обычно. Думаю, Иван больше не придет.

И ты давай собирай манатки и дуй домой.

– Ну нет. Здесь останусь. Зря, что ли, мы за месяц вперед заплатили и залог внесли. И потом, я так устала... Просто без задних лап.

– Ладно, отдыхай, потом поговорим.

– Кстати, Вера просится к тебе на консультацию, возьмишь?

– А куда я денусь? Дай ей мой телефон, договоримся. Только ты ей скажи, что я советов не даю.

– Знаю-знаю, «Все ответы на наши вопросы внутри у нас самих», ты только помогаешь до них добраться.

«Фира, дай кефира!»

Утреннее жужжание кофемашины заглушило традиционный понедельничный звонок. Липа успела взять телефон с последним сигналом рингтона.

– Я думала, ты уже убежала и даже лапки не пожалала, – Глафира была в своем репертуаре и вместо утреннего приветствия выдала смесь легкого ворчания и претензии на оригинальность.

– А других версий не было? Лично я всегда стараюсь предположить три версии. Как минимум. Как учили. А ты, троечница, все перезабыла, – парировала Липа.

– О-о-о, началось... Теряем время!

Уже несколько лет они с Фирой начинали каждую новую рабочую неделю с совместного онлайн-завтрака. В это время все домочадцы с обеих сторон разбегались по своим делам, и подруги могли в полной мере наболтаться, рассказывая друг другу свои воскресные сны.

Их увлечение толкованием тайных ночных символов никто из домашних не одобрял: Павел всегда подтрунивал над Липой, Марфа вообще считала это полным бредом, та же ситуация была и в Фирином окружении. Она сама, ее мама, сын с женой и двумя детьми, две кошки и старый подпорченный йорик – все жили в одной большой квартире, и никто из них не собирался менять место жительства. В тесноте, да

не в обиде. Зато в самом центре. В их густонаселенной квартире всегда стоял галдеж и то и дело летали молнии – каждый участник этого Ноева ковчега, включая подпорченного йорика, претендовал на лидерство, поэтому редкие минуты тишины были на вес золота.

По понедельникам Павел торопился на еженедельную утреннюю конференцию в своей клинике, Марфа убегала к первой паре. Фирины дети и внуки разбегались по офисам и детским садам, стареющая мама со своим йориком к утру одерживала победу в битве с ночной бессонницей и засыпала богатырским сном. Уличная дверь и в той, и в другой квартире примерно в одно и то же время плотно закрывалась, и вот *тогда...* можно было налить чашечку кофе и сесть в кресло, не напрягаясь, что кто-то рядом греет уши, накапливая информацию для критических насмешек.

– Итак, *«что тебе снилось, крейсер „Аврора“ в час, когда утро встает над Невой?»* – пропела Глафира. И, совсем не дожидаясь ответа на музыкальный вопрос, продолжила: «Крейсер „Аврора“ – это не фамилия и имя девушки. Я так, на всякий случай напоминаю. Для особо одаренных».

– Очень смешно. А «Невой» значит «не вой слишком громко, соседей распугаешь»? Ты это хотела сказать?

– Просто вспомнила старую песню. В школе на уроках музыки разучивали, и добрая половина класса была уверена, что это песня про девочку Аврору Крейсер. Вот тебе потерянное поколение девяностых – полное равнодушие к исто-

рическим объектам, несмотря на шаговую доступность.

– Я думаю, эта половина класса состояла из одних двоечников?

– Ну давай, отличница, колись, что на этот раз было интересенького?

– Давай ты первая, а то все я да я...

– А у меня все прозрачно, даже напрягаться не надо. Из того, что запомнила: стою на перекрестке, перекресток Т-образный, две дороги ровные, третья уходит за поворот – ее толком не видно. Я такая сначала в замешательстве, типа «куда податься бедному *евр-рэю?*», потом, естественно, почапала за поворот – любопытно же... Там ледяная гора. Огромная. Дальше никак не пройти, надо по ней карабкаться. Я, конечно же, ползу, цепляясь голыми руками за выступы, немного страшно. Вот рассказываю тебе, а в голове зазвучала песня:

«Не гляди назад, не гляди.

Просто имена переставь.

Спят в твоих глазах, спят дожди.

Ты не для меня их оставь...».

Фира начала напевать знакомую с боевой юности песню. Голос у нее был красивый, тембр низкий с расщеплением – утомительные уроки сольфеджио и диплом с отличием об окончании музыкальной школы обеспечивали точное попадание в ноты. Анна Освальдовна, учительница сольфеджио,

безусловно, была бы довольна – не зря мучилась с «бесталанными балбесами». Глафира уже сделала вдох, чтобы продолжить куплет, но у Липы было не так много времени, поэтому она шутливо поторопила подругу: «Тебе же ясно сказано: „Не гляди на зад“. Там случайно не сказали, на чей зад не глядеть?».

– Нет. Не сказали. Короче, до вершины горы я добралась и съехала вниз быстро так: тр-р-р... Прямо к многоэтажному дому. Еду в лифте. Поднимаюсь на восьмой этаж. Лифт тесный, в нем куча народу, все какие-то хмурые, в длинных пальто, воротники подняты, не смотрят на меня. Где-то между седьмым и восьмым этажами лифт застревает. Двери открываются, а там пустота. Народ стоит спокойно, никто не делает никаких резких движений. Потом лифт снова закрывается, и какие-то рабочие подтягивают его наверх. Я выхожу и просыпаюсь. Все! – облегченно выдохнула Фира, как студент, который всю ночь учил и, наконец, *«все, что знал, рассказал»*. – Ну, и что там говорит наш замечательный Антонио Менегетти?

– Ну да, ты права, ничего интересного. Все прозрачно. **Перекресток** – выбор решения, пошла за поворот – тоже понятно, ты по-другому не можешь, хлебом не корми, дай найти приключения на свою попу (точнее, на твой зад, который сегодня ты уже упоминала). Гора сама по себе – понятный образ, хочешь достичь каких-то высот, ищешь удовлетворения.

То, что гора ледяная – тут как раз не так все радужно. Лед – это всегда что-то застывшее, неподвижное и холодное, у Менегетти это страх смертушки, но ты его преодолеваешь, цепляешься за выступы, потом достигаешь цели и скатываешься вниз, чтобы идти дальше.

– Вот спасибо, утешила, – хмыкнула Фира.

– Ну, ты же знаешь, это всего лишь версия, и *«иногда сигара – это просто сигара»*, а лед – это просто лед. Ну, дальше все вообще понятно. **Подниматься на лифте** – желание изменить ситуацию к лучшему, но за счет внешних обстоятельств. **Застряла в лифте** – испытываешь затруднения в текущей жизненной ситуации, **куча народу** – твои клиенты, их у тебя слишком много, и все они приходят к тебе с проблемами. То, что они не смотрят на тебя – тоже абсолютно понятная тема. Ты же мне сама постоянно говоришь, что твоя работа тебя достала, и ты бы с удовольствием ее поменяла, но «где еще тебе столько заплатят». Вот тебе и перекресток. Короче, твой сон – про твою фрустрацию и про желание поменять работу. И все у тебя получится, но для этого должны появиться какие-то люди, готовые прийти тебе на выручку. Главное, ты вышла из лифта и с горы съехала, значит, преодолела все трудности с криками «Ура!» или «Да пропади все пропадом!». Неважно. Расслабься и жди нужных людей. Это не я, это тебе маэстро Менегетти передает пламенный привет.

– Ну, в принципе, я с ним согласна. А у тебя что?

– Как всегда все запутано. На этот раз прямо интрига для меня. Люди, фразы, числа. Какая-то бабка-профессорша...

– Чья бабка?

– Да в том-то и дело, что моя. Там, во сне. И зовут ее Александра Николаевна. Прикольная такая бабенция, но в жизни-то все совсем не так. Не могу пока подобраться, но чувствую, что за этим что-то есть.

– А как же призыв *«Ловите знаки судьбы!»*?

– Да вот пока *крокодил не ловится, не растет кокос.*

– И все, что ли?

– Ну, нет, конечно, там еще про Марфу.

– Кстати, как вчера погуляли на новоселье у молодых?

– Да никак. Они, похоже, разбежались прямо на старте. Думаю, это хорошо, как бы парадоксально ни звучало: лучше в девятнадцать лет получить собственный опыт драматических расставаний, пока нет детей, ипотеки и прочих связей со свекровью, которая остается «в подругах» на всю оставшуюся жизнь. В этом возрасте страсти бурные, но проходят они быстрее. Как девятый вал – накрывает с головой и кажется, что «сердце гибнет в огне-ды-ша-щей ла-ве любви, пара-ру-пару-рам!», – пропела Липа. – У нас с тобой сегодня прямо концерт бардов-семидесятников.

– Почему бы и нет, – рассмеялась Фира.

– А после бури, по законам жанра, всегда «луч солнца золотой», – подытожила удачную метафору Липа, – а солнце – это новая встреча, может быть, самая важная в жизни. Кста-

ти, там у меня во сне было число с литерой: 19-А. Про девятнадцать я поняла сразу – Марфе как раз девятнадцать лет, и накануне мы с ней немного поискрили. Я ей пыталась внушить, что в девятнадцать лет еще рано играть в семейную жизнь, она, естественно, мне бурно возражала, чуть не поспорились. А вот сейчас рассказываю тебе и понимаю, что литера «А» – это как план «А». Типа, «мистер Фикс, у вас есть план?». Коне-е-ечно! И этот план «А» не сработал. Значит, скоро появится план «Б».

«Надо будет сказать Марфе при встрече, только так, аккуратноненько...» – подумала про себя Липа и продолжила.

– Короче, считаю «драму с пистолем» в юном возрасте полезной штукой, и неважно, кто кого бросил – пережить и забыть, стать сильнее, мудрее и идти дальше. Все встречи и расставания не случайны, они нам для чего-то нужны. Но тебе, моя дорогая, этого не понять, ты у нас баловень судьбы!

– Ну да, что есть, то есть, – с чувством глубокого удовлетворения согласилась Фира.

В отличие от Олимпиады, Глафире очень нравилось свое имя, прямо с самого детства, и несмотря на все дразнилки дворовой ребятни, она всегда чувствовала себя единственной и неповторимой. Обидные реплики типа «Фира, дай кефира» никогда не достигали цели. Обычно она горделиво выпрямляла спину, медленно поворачивала голову в сторону обидчиков и презрительным тоном произносила: «Скучно, господа... Придумайте уже что-нибудь поумнее». «Гос-

пода» от такой наглости впадали в ступор и долго еще не могли найти «ответочки».

В семье Фиры была любимым ребенком, ее родители уже были достаточно взрослыми, старшему сыну было двенадцать лет, когда родилась долгожданная девочка.

Большая разница в возрасте со старшим братом обеспечивала ей карт-бланш во всех братско-сестринских разборках. Бессрочная индульгенция, выданная ей при рождении, гласила: «Она же маленькая, да еще девочка!».

Родители Фиры состояли на высоких должностях в системе советской торговли, в просторной квартире всегда веяло уютом и достатком. Лихие 90-е с тотальным дефицитом прошли мимо этой удачливой семьи, не задев даже по касательной, и вспоминались «картиной маслом», точнее, с маслом и с большим эмалированным ведром, что стояло в углу кухни и было доверху наполнено шоколадными конфетами «Мишка на Севере», «Белочка» и «Ну-ка, отними!».

Доступ к этому ведру у Фиры был беспрепятственным в любое время дня и ночи. В семье считали, что этот плод будет слишком сладок в случае запрета, а свободный доступ к ведру обеспечит потерю Фириногo интереса и, следовательно, предохранит ребенка от переедания. И в чем-то они оказались правы: Фира была равнодушна к конфетам, но обожала кофеек с хорошим шоколадом по утрам, особенно под легкую беседу с любимой подругой.

– Про девятый вал это интересно, думаю, ты права. Ред-

кое явление. У меня такого не было, а у тебя, помнится мне, было...

– Было. Или не было... Это, что называется, «whom-how» или «кому как», если по-русски. Заболтались мы с тобой сегодня, так и опоздать можно. Ну что, по коням?

– Ага. Погнали наших городских! Обнимашки, пока-пока!

«Мне снилось...»

Утренний разговор, точнее, его завершение никак не выходили у Липы из головы. Девятый вал, было – не было... Они обе прекрасно понимали, о чем зашла речь. Ну как тут не вспомнить Блюму Вульфовну Зейгарник, простого смертного советского психолога, с ее «эффектом незавершенного действия»! Сейчас мало кто помнит, что именно она была первой, кто описал эту четкую закономерность: незавершенные действия мы помним лучше, чем завершенные. И сам Курт Левин назвал эту закономерность «эффектом Зейгарник». А вот поди ж ты, скажи кому-нибудь «эффект Зейгарник» – никто не поймет, а незакрытый гештальт – пожалуйста! А все потому, что модно.

Сейчас только ленивый не ввернет модное словечко: сидит так в кафе пара-тройка умников, общается между собой и демонстрирует широту своей эрудиции. Это у тебя, мол, незакрытый гештальт, надо бы его закрыть. Хорошо бы еще знали, как это работает.

«Та-ак, приступ менторства вот именно сейчас мне совсем ни к чему», – подумала Липа, заезжая на парковку. Выключив зажигание, она еще несколько минут не выходила из машины: давно забытые события всплывали одно за другим с пугающей детализацией. Вот вам и закрытый гештальт... Привет от Блюмы Вульфовны.

В кафе было не просто многолюдно – там был настоящий аншлаг. Обычно в это время дня там всегда полно свободных мест, но на этот раз все столики были заняты. За окном шел легкий осенний дождик, он-то и сыграл роль бесплатного зазывалы. Липа с Вадимом пристроились в самом центре зала – там нашлось два свободных места. Рядом с ними сидела молодая пара. Вадим не стал спрашивать у них разрешения, просто посадил Липу за стол, галантно отодвинув простой общепитовский стул, как будто это был стул из коллекции тещи Кисы Воробьянинова. Не глядя в меню и не спрашивая Липу, он резко бросил в сторону проходившей официантки: «Нам два кофе». Ответная реплика – «Я сейчас к вам подойду» – пролетела мимо ушей Вадима как что-то мелкое и ненужное. Сидевшая за тем же столом девушка вдруг перестала говорить со своим собеседником и с любопытством начала рассматривать Вадима. «Не отвлекайтесь, девушка», – интеллигентно послал ее к собеседнику Вадим. Та смутилась и отвела глаза. Вадим пристально посмотрел на Липу, затем взял со стола бумажную салфетку, достал из кармана ручку и начал быстро писать. «Это что? Стихи?» – не выдержала любопытная соседка. «Это не вам», – Вадим осадил ее таким тоном, что на этот раз она замолчала надолго. Закончив писать, он протянул салфетку Липе. «Это тебе. Прочтешь потом. Пошли отсюда». Они быстро вышли из кафе. На улице уже светило яркое солнце. Странная смесь замешательства и интереса не покидала Липу с той самой ми-

нуты, как она спрятала в карман плаща мятую, исписанную неровным почерком салфетку. Визг тормозов вернул ее в текущую реальность. «Вы что? Одурели совсем? Придурки!» – орал взбешенный водитель, проезжая перекресток. Вадим крепко сжал Липину руку: «Вот было бы здорово умереть сейчас вместе...».

«Ну уж нет! Мы так не договаривались», – пронеслось в Липиной голове. Только сейчас, пересекая оживленный перекресток на красный свет, она поняла, как близко они были к реализации дикого плана Вадима.

Они молча дошли до метро. «Ну, что... Пока!». – «Пока...».

Под монотонный стук подземки сердце пыталось унять бешеный ритм, рука сжимала в кармане мокрую салфетку. «Не сейчас. Не сейчас. Не сейчас. Дома. Дома. Дома».

И вот теперь неровные буквы с жестким нажимом складывались в слова, а слова – в строчки. Она прочитала. И перечитала. И еще раз.

Мне снилось...

Подражание Н. Гумилеву

Мне снилось: волос твоих мука

Сегодня немыслимо рядом.
И я не ошибся: разлука
Встает за теплеющим взглядом.
Но там, в глубине, сквозь ресницы,
Любови расставлены свечи,
И нежность самоубийцы
В последний нахлынувший вечер.
– Побудешь со мной до утра ты?
Ресницы ложатся на веки...
Любовь – ощущение утраты,
Утраты на вечные веки.
И там, в пелене серых будней,
О, свет! Сквозь ресницы не брызни!
Мне снилось, что больше не будет
Нас прочь разлучающей жизни...
Мне снилось...

Волна вселенской грусти поглотила Липу целиком. И зачем только она позвонила Вадиму? В ее жизни все было ровно, может быть, слишком ровно, может быть, даже однообразно, но зато спокойно и комфортно.

Их история началась неожиданно и ничем не закончилась – как бы подвисла в воздухе.

– Кто ж тебе дал такое имя? Оно тебе совсем не идет. Какая ты Липа? Это для тебя простовато, что ли... У меня язык не повернется тебя так называть, – Вадим задумался, пристально разглядывая Липу, как будто видел ее в первый раз.

– Я буду звать тебя Анастасия, или Anastasia, – произнес

он на английский манер. – Это просто, но в то же время изысканно. Тебе подходит.

Что-то магическое, волшебное и неземное исходило из всего облика Вадима. Надменный и чуть насмешливый взгляд, густая шевелюра и борода не портили внешности, скорее, служили неким заявлением типа «чихал я на вас на всех», но главной особенностью был его голос – густой завораживающий баритон. Вальяжная интонация завершала общее впечатление о нем как о человеке нестандартном, породистом и уверенном в себе. «Хотя... „Внешность обманчива“, – сказал ежик, слезая с сапожной щетки... Фу-у, это пошло», – оборвала поток своих мыслей Липа.

Вадим ворвался в ее жизнь как цунами. Ничто не предвещало развития бурных событий. Он появился в их группе в середине третьего курса. Откуда он взялся, Липа так и не поняла. Говорили, что он вылетел из универа из-за какой-то мутной истории, потом его забрали в армию, где он оттрубил от звонка до звонка, а после *дембеля* восстановился и попал к ним в группу. Слышала также, что дед его был профессором психиатрии, а бабушка страдала шизофренией. Якобы дед посвятил изучению этого недуга всю свою профессорскую жизнь, так и не приблизившись к разгадке заболевания. Вся надежда у него была на внука – тот с первого курса занимался в студенческом научном обществе проблемами медицинской психологии и психотерапии. А еще этот замечательный внук с семнадцати лет был вхож в Союз писателей Санкт-

Петербурга. Одним словом, феномен.

Рядом с ним всегда были какие-то девушки, симпатичные и не очень. Независимо от внешности, надолго они не задерживались.

Липа не поняла, по какой такой неведомой причине она оказалась рядом с Вадимом на одной остановке троллейбуса после очередного скучного семинара. «Ты до метро? Может, пройдем пешком? Всего две остановки». – «Почему бы и нет». В тот момент Липа не знала, что этот путь до метро приведет ее к серьезным испытаниям и поставит перед судьбоносным выбором. «Кто там из великих сказал, что правильно выбрать спутника жизни – это выиграть или проиграть жизнь? Не помню. Не важно...».

Два квартала пешком до метро пролетели за один миг. Им не хватило времени. В соседнем скверике недалеко от входа в метро нашлась свободная скамейка. Они говорили обо всем: о поэзии, о математике, о шахматах, о Марине Цветаевой, об импрессионистах и о Родене. Липе было безумно интересно. По сравнению с замечательным, но слишком земным Павлом, Вадим казался пришельцем с другой планеты, где мир наполнен яркими красками, где есть волны и ветер, музыка и стихи. Чем она была интересна Вадиму? «Не знаю. И это важно. Но я не знаю. До сих пор...» – Липа попыталась построить несколько версий и вдруг поняла, что ей совсем не хочется ничего раскапывать.

Тот бешеный месяц накрыл ее с головой, и она чуть все

не испортила. В ее голове, в душе и во всем организме творилось что-то несусветное. Она не могла ни есть, ни спать в буквальном смысле. Казалось, ночь тянется изуверски медленно, мучая ее непосильным ожиданием новой встречи. В полусне мозг с настойчивостью маньяка прокручивал одни и те же сцены из прошедшего дня, где они были вместе.

Еда вообще не имела смысла. Завтраки, обеды и ужины были просто потерей времени: они отвлекали от единственной значимой цели – снова его увидеть и быть рядом. Сердце выскакивало из груди, требуя ответа на вопрос: когда-когда-когда? Ни днем, ни ночью колоссальное напряжение не оставляло ее ни на минуту. Друзья, родители, Павел – все потеряло смысл. Ей было все равно, что происходит с ними. Привычная жизнь не просто отошла на второй план, она исчезла за обозримым горизонтом. Совсем. «Что воля, что неволя – все равно...».

Сейчас, через много лет оценивая произошедшее, Липа понимала, что так это и работает: как наваждение, как болезнь. Именно так проявляется невротическая страсть. А что же это еще? Что такое влюбленность, она знала прекрасно по своим отношениям с Павлом. Ей было уютно и безопасно в его объятиях, с ним она чувствовала себя маленькой девочкой в надежных руках сильного мужчины. И это ей очень нравилось. Она с радостью и железобетонной уверенностью ждала новой встречи с Павлом и точно знала, что эта встреча состоится. Без всяких сомнений. С ним была тихая ра-

дость, с Вадимом – бешеная страсть. «Теперь понятно, отчего у Наташи Ростовой снесло крышу на фоне полного благополучия», – Липа мысленно улыбнулась своей догадке. К тому же ей было приятно осознавать, что не только она влипла по самое не хочу – похоже, великий писатель тоже испытал временное умопомешательство с фиксацией на одном человеке, иначе с чего бы он так подробно описывал невротические переживания своей героини.

В тот вечер Павел ждал ее на скамейке у дома до позднего вечера. Он всегда ее ждал. В последнее время их встречи становились все короче и короче.

– Ты что, влюбилась?

– С какой стати? – с искусственной небрежностью в голосе попыталась сделать удивленные глаза Липа.

– Ты сейчас где?

– В смысле?

– Ну, я же вижу, что ты сейчас где-то... Не знаю... Не здесь, не со мной.

Липа хмыкнула, но не стала ничего отвечать. Ей было все равно, что там думает Павел.

– И кто он?

– Не важно. Ты его не знаешь.

Легкая улыбка скользнула по Липиному лицу в тот момент, когда она подумала о Вадиме.

– Я знаю, тебе со мной неинтересно... – тоскливая безысходность в голосе Павла усилила прозвучавший приговор са-

мому себе. – И ничего нельзя изменить... Пусть будет как будет, только знай, что я всегда буду ждать тебя здесь. На этой скамейке. Каждый вечер.

– Как хочешь, – Липа равнодушно пожала плечами. – Я домой. Уже поздно. Пока.

Липа открыла дверь парадной и с трудом поднялась на третий этаж видавшего виды сталинского дома: у нее тряслись ноги и кружилась голова. Она долго искала ключи в сумке, потом так же долго не могла попасть ключом в дверной замок, пытаясь унять дрожь во всем теле.

Дверь открыла бабушка. «Ты чего тут ковыряешься? И где так долго ходишь? Я уже начала волноваться».

– Да все нормально, – уставшим голосом пролепетала Липа.

– Ты что, со своим ухажёром поссорилась?

– Ничего не ссорилась, просто задержалась после занятий.

– Он тебя уже три часа ждет. Вон, цветы тебе принес.

Только тут Липа заметила на столике в прихожей вазу с букетом розовых роз.

– Красиво, – кивнула Липа и прошла в свою комнату.

– Ты что, кушать опять не будешь?

– Нет, я не хочу.

– Ты случайно не заболела?

– Да не заболела я. Все в порядке. Я успела перекусить в кафе, – лукавила Липа.

Ей не хотелось волновать бабушку. Но есть ей тоже не хо-

телось. А еще не хотелось разборок. Ни с кем. И никаких. Поела. Все. Точка.

Вспоминая себя и своих близких в тот период, Липа благодарила судьбу за то, что все закончилось благополучно. И у всех хватило терпения. К счастью, дальше нервных объятий и таких же нервных поцелуев у них с Вадимом дело не зашло. Вадим вылетел из ее жизни так же стремительно, как и влетел в нее. На той же волне. Просто в одно прекрасное утро ее организм сказал: «Хватит!». Она впервые за последние дни проснулась со спокойной душой, а утром с удовольствием позавтракала. Накануне она заснула с мыслью, что общение с Вадимом начало казаться ей однообразным, а его поведение в некоторые моменты – нелепым, что ли... Какой-то он старомодный, что ли... И что-то из себя корчит, типа «я не такой, как все». Возможно, она просто устала изображать из себя интеллектуалку, возможно, ей показалось, что она не справится с задачей пожизненно побуждать к себе интерес, и этот интерес у него закономерно угаснет. Возможно, где-то глубоко, на интуитивном уровне, она поняла, что не будет с ним счастлива. Даже сейчас, через много лет ей не хочется докапываться до истинной причины. Неинтересно как-то. Просто она помнит, что ее бешеная страсть умчалась за тридевять земель просто в один миг – она даже «мяу!» сказать не успела. Она не помнит, по каким признакам Вадим все понял, но помнит его фразу «Ну вот, Липка, ты меня и бросила...». Весело кивнув ему, она убежала к своей дорогой

Фире Фирсовой, которая также терпеливо ждала, когда подруга перебесится. И дождалась наконец-то. *И никакая она не Липка!*

Они еще продолжали несколько лет учиться в одной группе, но Липа смотрела на Вадима как на пустое место, ничто не екало в ее душе. Как говорится, «Ни один мускул не дрогнул на попе у козла».

Прошло лет восемь-девять после окончания университета, Липа уже была замужем за Павлом, у них росла Марфа. Все шло по накатанной: Павел работал в клинике, Липа наконец-то взялась за диссертацию и носилась как «конь педальный» по конференциям и научным командировкам. Как вдруг однажды, поднимаясь по эскалатору в метро, уткнувшись глазами в спину стоявшего на ступеньку выше мужчины, она услышала: «Anastasia! Дождись меня наверху». Она повернула голову и столкнулась взглядом с Вадимом, спускавшимся по соседнему эскалатору. Что-то давно забытое всколыхнулось в дальнем уголке ее долговременной памяти, внеочередная порция адреналина ускорила сердечный ритм, появилось ощущение азарта и опасности «в одном флаконе».

Через несколько минут тревожного ожидания эскалатор выкинул в павильон новую порцию уставших от прошедшего рабочего дня людей.

– Привет! Ты как? Чем занимаешься? Замужем? Дети есть?

– Привет. Пишу диссертацию. У нас дочь. А как ты?

– У меня тоже дочь.

– Ну, здорово. Я помню, ты всегда хотел девочку.

– Запомни, Липка, девочку хотят от любимой женщины, а я женился на забеременевшей любовнице...

Она меня дико раздражает... Периодически приходит-ся поколачивать. Для профилактики. Тебе-то это наверняка незнакомо, – насмешливый взгляд скользнул по Липиному лицу с какой-то спрятанной в глубине глаз злостью.

– Ты прав. Незнакомо.

– А знаешь, я ведь тогда обращался к психотерапевту.

– И что психотерапевт? Помог?

– Советовал больше с тобой никогда не встречаться, – усмехнулся Вадим. – Классная рекомендация! Если учесть, что мы продолжали учиться в одной группе...

– Но зато потом все получилось. Почти, – попыталась отшутиться Липа, но напряжение, мертвой хваткой перехватившее все ее существо, не отпускало.

– Да, получилось... Почти... Хотя за столько лет могла бы и позвонить, тебе-то никто не советовал вести себя как страус. Как будто ничего и не было. Запиши телефон, может, все-таки встретимся и поговорим как люди.

Целую неделю Липа внутренне сопротивлялась, но навязчивое желание позвонить Вадиму становилось все сильнее. Они встретились в кафе на Невском, а потом чуть не попали под машину. Все. Гештальт закрылся.

И все же, кто такая бабка-профессорша? Вот сегодня из ее бессознательного выпала «бабка» Вадима и еще дед-профессор... Это оно?.. Может быть, может быть... хотя...

Дуся всегда в плюсе

– Какие люди! И без охраны! Какими судьбами? – Глафира встала навстречу новому клиенту.

– Да вот, решил записаться к тебе на консультацию, – Арсений смущенно потоптался у дверей, – у Липы все расписано до конца месяца, хорошо хоть у тебя нашлось окошко для старого знакомого.

– А что так? Сапожник без сапог? А как же «помоги себе сам»? Не работает?

– Да я давно все позабыл, ты же знаешь. Этим надо заниматься в системе, а меня занесла нелегкая в социологию, там и застрял. Я здесь в командировке на пару недель, пока опрос проводим для одной компании.

– Слушай, я голодная как волк, а пообедать времени совсем нет. Может, сгоняем в кафешку неподалеку? Заодно поболтаем. А консультировать тебя мне как-то «не по фэн-шуй» – своих не трогаем. По-дружески перетереть можем, а профессионально – это тебе надо к кому-нибудь не из нашей тусовки. Помнишь принцип «Не перекрещивайте реальности»?

Фира Фирсова обладала удивительной способностью использовать обстоятельства в свою пользу. Она, конечно, слушала, ссылаясь на принцип перекрёстной реальности – сама-то время от времени просила Липу отработать с ней оче-

редной болезненный эпизод. Но это другое. Она исключение, единственная и неповторимая Фира Фирсова. Ей можно.

Положа руку на сердце, она побоялась вторгаться в личное пространство их общего с Липой приятеля. Они познакомились в аспирантуре, в то время Арсения звали совсем по-другому. Родители нарекли его Арменом, а фамилия ему досталась Попаян. Соседским мальчишкам даже мозг напрягать не потребовалось – обидное погоняло было готово по умолчанию. Имя, фамилию и отчество Армен решил поменять после того, как один из крупных заказчиков вычеркнул его фамилию из списка исполнителей социологического опроса для его фирмы. Тогда Армен решил, что выгоднее быть Арсением Поповым. Очень похоже на первоисточник, но все же звучит намного привлекательней для клиентов. По крайней мере, так он объяснял свое решение друзьям и знакомым, которые по привычке называли его Арменом.

Из них троих только Липа успешно защитила диссертацию. Арсений что-то писал-писал про супружеские отношения, но так ничего нового и не написал. Для обеих подруг было странно, что он выбрал такую тему – обычно изучение супружеских отношений было поляной для застенчивых одиночек женского пола. А тут молодой человек изо всех сил пытается доказать, что в браке вариант торгового партнерства – это высший пилотаж. Типа «ты мне, я тебе», а если ты мне «не», то и я тебе «не». Возможно, для растленного

Запада это и высший пилотаж, но для загадочной русской души – как-то сомнительно... Работает с перебоями, надо было копать глубже. К тому времени Арсений уже успел побывать в браке – правда, недолго, всего один год – быстро развелся и оформлять отношения с кем-либо еще не считал нужным. Одного раза хватило. Эксперимент был неудачным: кто-то кому-то что-то недодал. Фира бросила аспирантуру после трех лет мучений, потому что ей «тупо надоело». К тому же заболел ее научный руководитель, а пришедшему ему на замену хмурому профессору категорически не понравилось все, что было сделано раньше, и Фире требовалось ценой невероятных усилий при отсутствии мотивации начинать все с начала. «Да ну его в пень!» – решила Фира при полном одобрении своего внутреннего Я и ни разу об этом не пожалела, в отличие от Армена/Арсения, который стеснялся бесцельно прожитых лет и никому не рассказывал о том, что он когда-то что-то писал, но так и не написал.

Устраиваясь поудобнее на узком диванчике в углу небольшого зала подальше от любопытных ушей, Фира поторопила Арсения с рассказом:

- Так что там у тебя стряслось?
- В принципе, ничего особенного, просто я выбрал для своего ребенка плохую мать...
- В смысле, ты выбрал ребенку мать?
- Ну, понимаешь, я очень хотел ребенка и, наверное, поторопился. Возраст поджимал. Надо было еще кого-нибудь

поискать, а тут Дуся (*назовем ее так*)...

– А что с Дусей не так?

– Да все не так, – вздохнул Арсений, – все не так... Представляешь, она мне как-то сказала, что иногда испытывает чувство острой ненависти к Платошке. Я был просто в шоке, она же мать! Как это вообще возможно?

– Ну так разводись и начинай все с чистого листа. Какие наши годы!

– Это невозможно. Дуся одна не справится.

– Слушай, как интересно! Прямо закон парных случаев, – Фира нетерпеливо перебила Арсения. – Совсем недавно у меня была клиентка. Очень интересная молодая женщина из разряда self-made. Всего добилась сама: собственный бизнес, трое детей – все мальчишки, второй брак. Мужа любит, он ее, вроде бы, тоже. Но есть Дуся – первая жена. Они при разводе договорились: «Дети – это святое». Никто из них не будет спекулировать на родительских чувствах – это безнравственно. Дети не виноваты, и все такое... И что ты думаешь? Буквально через неделю, как он переехал к моей клиентке, началось: что ни вечер, а точнее, ближе к ночи – очередной звонок от Дуси. То у одного температура, то у другого. Там двое детей. То капли в нос закончились, то кто-то из детей неудачно упал. И так до бесконечности. Этот «добрый папа» срывается из постели от молодой жены и мчится в аптеку, чтобы отвезти «Нурофен» или «Називин» на другой конец города. Потом, весь измотанный и нервный, возвращается

среди ночи домой, понятно, что ему уже ни до чего нет дела, только бы рухнуть в кровать и выспаться.

– Ну и что тут такого? Я бы тоже так делал.

– Ты это серьезно?

– Конечно! Дети – это святое.

– Но это же голимая манипуляция. Вас как лохов последних разводят, а вы и рады. Это такая компенсация чувства вины. Типа подорвался среди ночи за лекарством – записали ребенку на подкорочку «папа меня любит». То есть «я не виноват, я плохой муж, но хороший папа». Так, что ли? А ничего, что у нормальной мамы всегда в аптечке есть жаропонижающие, йод, капли в нос и многое другое, да еще с запасом?

– Ну и что! А вдруг именно в этот момент все закончилось.

– Ага. Весь стратегический запас к ночи *Фома хреном сдул*. Не, не так: «*Все таблеточки бабай унес!*». Я тебя умоляю...

– Я вот думаю, почему она сама от меня не уходит?

– Догадайся с трех раз! – засмеялась Фира. – Просто ей так очень удобно, чего тут непонятного. Она же нигде не работает?

– Нет. Не работает. Когда родился Платон, мы с ней договорились, что она будет с ребенком, пока ему не исполнится пять лет. Он же у нас недоношенным родился. Дусе нельзя было рожать, у нее плохое зрение, сказали, может сетчатка

отслоиться. У нее и так не очки, а просто окуляры. Когда Платошка родился, сначала он два месяца в реанимации лежал, потом мы долго по разным врачам мотались...

Материально, конечно, пришлось ужаться, но мы решили не экономить на продуктах, врачах и лекарствах, а в остальном лишнего не тратить. Так она сама все время болеет!

– У-ДИ-ВИ-ТЕЛЬ-НО! – продолжала издеваться Глафира, но Арсений не обращал внимания на ее язвительные реплики.

– Понимаешь, то у нее панические атаки, то голова, то спина, то постоянные критические дни.

– Понятно: *то понос, то золотуха*. Что же ты такую болезную в жены-то взял?

– Так вначале думал, что человек нормальный. Она, конечно, рассказывала мне, что у нее мама покончила с собой, когда ей было шестнадцать или семнадцать, точно не помню. Мы с ней как бы *друзья по несчастью*. У меня мама умерла, когда мне было тринадцать, а брату десять. Я после этого жил с бабушкой, а брат – с отцом. Он сказал, что двоих ему не потянуть. А знаешь, как бабушка давала мне деньги на подарок? – Арсений оживился, вспоминая бабушку. Он поверзал на диване, выпрямив спину, в глубине его глаз зажегся маленький теплый огонек.

Фира вопросительно посмотрела на Арсения и кивнула головой, мол, продолжай-продолжай.

– Она работала нянечкой в детском саду и зарабатывала

очень мало. На день рождения дарила мне небольшую денежку, но держала ее так крепко в руках, что я не сразу мог ее взять. Я говорю: «Бабушка, ты чего так держишь? Ты же сказала, что это подарок для меня!». — «Для тебя, конечно», — говорит. А сама держит. Я за один конец держу, она за другой, и тянем каждый к себе, но потом она, конечно, отпускала.

— Это что, шутка такая была?

— Да нет. Она это серьезно. Думаю, ей было трудно расстаться с деньгами.

— А отчего умерла мама?

— Сердце. Ей еще не было сорока. Я сейчас думаю, это ее отец довел, — Арсений замолчал и отодвинулся вглубь общепитовского диванчика. «Ага. Тема для него неприятная», — машинально подумала Фира и участливо угукнула в ответ, что на языке профессиональных сигналов означало «Я тебя понимаю».

— Мы с ним никогда об этом не говорили, но, думаю, я прав, — продолжил Арсений.

«Ваш заказ. Приятного аппетита», — над ухом прозвучала дежурная фраза, неожиданно прервавшая поток интимных откровений. Проводив взглядом официанта, спешившего принять заказ от другого столика, Арсений снова заговорил.

— Мне кажется, на этой почве мы с Дусей и сблизились: оба рано остались без матери. Правда, она очень серьезно

заболела после этого, лечилась в психиатрической клинике, с тех пор у психиатра постоянно наблюдается, ей периодически надо прокалывать какие-то препараты курсами. Я даже научился уколы делать.

Фира сочувственно покивала головой. Арсений продолжал исповедоваться давней подруге:

– Еще она на учете у эндокринолога. Деньги летят направо и налево на этих врачей, – сокрушался Арсений, пока Фира уплетала салат с тунцом.

– Ты говори-говори, не обращай на меня внимания. Извини, что жую, боюсь опоздать.

– Да все нормально, не извиняйся, я же понимаю, работа есть работа. Это мне некуда торопиться, я сегодня свободен, как сто китайцев.

«При чем здесь китайцы? И почему только сто? А где остальные?» – недоуменно хмыкнула про себя Фира, переходя к десерту.

– Спасибо, что слушаешь. Дома мне поговорить не с кем. Дуся меня не понимает, эти походы по врачам уже во где сидят, – Арсений схватился рукой за горло. – А недавно что-то там у нее по гинекологии стряслось, опять записалась к врачу. Ну, не знаю... Лично я ничего не увидел.

– О-о, так ты у нас еще и гинекологом по совместительству подрабатываешь? – не сдержалась Фира.

Арсений смущенно поморщился, понимая, что сболтнул лишнего, и постарался сменить направление разговора:

– Я и не собирался с Дусей строить семью, как-то так все само получилось...

– То есть ты не при делах... – усмехнулась Фира. – *«Без меня меня женили»*.

– Кстати, мы не женаты официально, если ты о штампе в паспорте. Дусю все устраивает.

Фира удивленно приподняла брови и хмыкнула, как бы говоря «Бывает же такое». Арсений не заметил Фириногo скепсиса, или сделал вид, что не заметил. Во всяком случае, он продолжал оправдываться не столько перед Фирой, сколько перед самим собой: «Я ей сразу сказал, что никакой свадьбы не будет, и вообще, я три раза пытался все закончить, мы расставались, точнее, я уходил, но почему-то каждый раз все начиналось по новой. Первый раз еще в универе. Мы же с ней на разных курсах учились, я ее старше на пять лет. И поступил я не сразу, сначала закончил сельхозколледж, я агроном по первому диплому».

«Понятно. Сеятель», – улыбнулась про себя Фира, вспоминая нетленный агитационный шедевр Остапа Бендера.

– Меня отец туда определил по знакомству, но это совсем не мое. После окончания два года промучился: каждый день, как на Голгофу, заставлял себя идти на работу, а потом решил поступать на психфак, выбирал между Питером и Москвой. А знаешь, какой критерий у меня был?

– Откуда же мне знать?

– Качество общаги. Сначала поехал в Питер, но там мне

общага вообще не понравилась, а в МГУ, в принципе, нормальная. А в аспирантуру все равно в Питер принесло... Ничего из этой затеи не вышло, зато случайно встретил хороших людей, – Арсений хлопнул себя по коленкам и чуть приподнялся, как будто хотел встать и размяться, но качнулся вперед и остался сидеть на своем месте.

– Случайно, – хмыкнула Фира. – Все случайное закономерно, друг мой, тебе ли не знать.

– В конце первого курса я женился на однокурснице. Она была такая вся из себя необычная, одевалась в этнические одежды. У нее было такое длинное платье, волосы всегда распущены, перехвачены бечёвкой, взгляд равнодушный, мне всегда казалось, она смотрит сквозь меня... Оказывается, так она пыталась привлечь мое внимание. Я страшно удивился, когда она об этом сказала, типа «ты разве не понял, что я в тебя влюбилась?». Нет, не понял. Свадьба была такая, знаешь, классическая мещанская, с перебором. Куча родственников с обеих сторон, студентов, все упились, ублевались, укричались «Горько!». Короче, мне хватило – больше никаких свадеб! Потом оказалось, у нее проблемы с головой. Начала мне истерики закатывать, какие-то сцены ревности, угрожать самоубийством. Пару раз вскакивала на подоконник, угрожая прыгнуть. В общем, дурдом какой-то. Слава богу, нас быстро развели, – вздохнул с облегчением Арсений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.